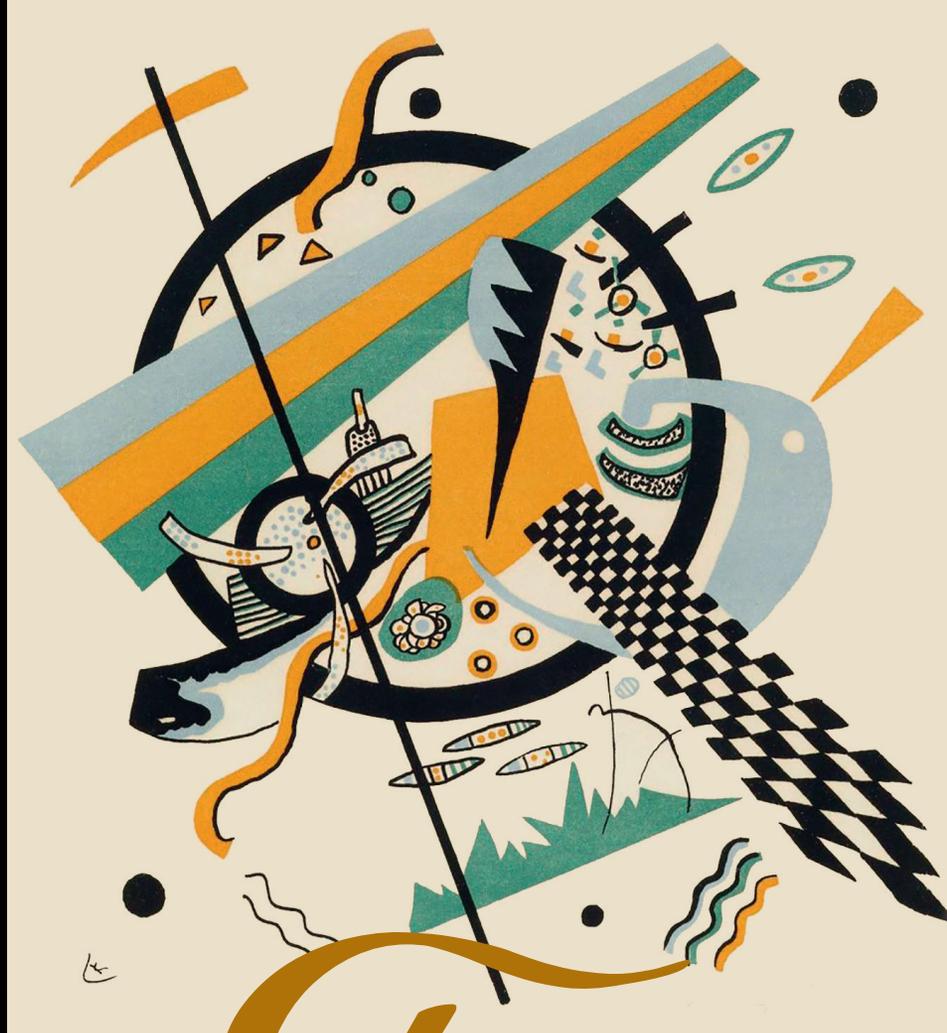

ЯЗЫК
СЕМИОТИКА
КУЛЬТУРА

Т. Б. Радбиль

ЯЗЫК И МИР

ПАРАДОКСЫ
ВЗАИМООТРАЖЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ЯСК

УДК 81-114.2
ББК 81.0
Р 15

Рецензенты:

д-р филол. наук, проф., зав. отделом культуры русской речи
Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН *А. Д. Шмелев*

д-р филол. наук, в н. с.
Института языкознания РАН *М. Л. Ковиова*

Радбиль Т. Б.

Р 15

Язык и мир: Парадоксы взаимоотражения. 2-е изд. — М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. — 592 с. — (Язык. Семиотика. Культура.)

ISBN 978-5-94457-293-6

В книге обсуждается широкий диапазон лингвофилософских проблем взаимоотношения мира, человека и языка, которое объективировано в процессах речевой деятельности, в дискурсивных процессах, в порожденных личностью текстах. Книга обобщает результаты почти тридцатилетних исследований автора в четырех областях, объединенных общностью методологического подхода на основе научной идеологии лингвистического антропоцентризма: проблема языковой концептуализации мира; логический анализ естественного языка; теория языковой аномальности; прагматика художественного слова и «лингвистика креатива». Исходным теоретическим принципом, который объединяет все разнообразные исследования, собранные в этой книге, является идея *изоморфности* фундаментального устройства мира, человеческого сознания и естественного языка.

Для широкого круга лингвистов, литературоведов, культурологов, философов и других специалистов в разных областях гуманитарного знания, а также для всех, кто интересуется «вечными вопросами» природы и сущности языка в контексте современной постструктуралистской парадигмы языкознания.

Wide scope of linguophilosophical problems of interrelations between the world, the man and the language which is objectified speech activity, in discursive processes, in generated by a person texts are discussed in this book. The work summarizes results of the author's almost thirty-year studies in four spheres united by community of methodological approach on basis of scientific ideology of linguistic anthropocentrism: the problem of language conceptualization of the world; logic analysis of natural language; the theory of language anomaly; pragmatics of belles-lettres word and "linguistics of creativeness". The initial theoretical principle which consolidates all the various studies collected in the book is an idea of *isomorphism* of fundamental structure of the world, human conscience and natural language.

The book is addressed to wide circle of linguists, philologists, culture experts, philosophers and other humanitarians as well as to those who are interested in "eternal questions" of nature and essence of the language in context of current post-structuralistic paradigm of linguistics.

УДК 81-114.2
ББК 81.0

*В оформлении переплета использована картина В. Кандинского
«Маленькие миры 4»*

ISBN 978-5-94457-293-6

© Т. Б. Радбиль, 2017

© Издательский Дом ЯСК, 2017

© Языки славянской культуры, 2017

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	11
ВВЕДЕНИЕ	13
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ МИРА И «ЯЗЫКА КУЛЬТУРЫ»	19
<i>Языковой менталитет и языковая картина мира</i>	23
I. О концепции изучения русского языкового менталитета	23
II. ИмPLICITная культурно-значимая информация в естественном языке	33
III. «Ум» vs. «разум» в национальной концептосфере: опыт «лингвистической археологии»	45
IV. О термине и понятии «идеологема»	55
V. Функционирование общественно-политической лексики в языковой картине мира личности	68
<i>Лексика и грамматика в языковой концептуализации мира</i>	76
I. О национально-специфичных моделях концептуализации ситуации в русском языке: глаголы «стоять», «сидеть», «лежать» в контекстах бытийного употребления	76
II. Вопрос о «скрытых категориях» в контексте современной постструктуральной парадигмы лингвистического знания	86
<i>Система ценностей в языковой концептуализации мира</i>	99
I. Особенности языковой экспликации аксиосферы в русском национальном менталитете	99
II. «Язык ценностей» в современной русской речи и пути его исчисления: к проблеме репрезентативных контекстов. . . .	108
<i>Речевое поведение в языковой концептуализации мира</i>	118
I. О некоторых русских отрицательных конструкциях в национально-специфичных речевых стратегиях	118

II. Импликатуры дискурса в национально-обусловленных моделях фатической коммуникации в русской разговорной речи	126
<i>Прецедентные феномены в языковой концептуализации мира</i>	133
I. Прецедентные тексты в языковой картине мира	133
II. Прецедентные тексты: «язык культуры» в речевом взаимодействии . .	143
<i>Русский язык начала XXI века в свете проблемы языковой концептуализации мира</i>	154
 ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА.	167
<i>Аномальное выражение количественных отношений в языке Андрея Платонова</i>	170
<i>Концепт ИГРЫ в аномальном художественном дискурсе</i>	176
<i>Природа количественного sub specie языковой аномальности</i>	183
<i>Язык как среда порождения аномальных «возможных миров»</i>	194
<i>«Онтологизация негации» как аномалия языковой картины мира</i>	205
<i>«Аномалии говорящего» и «аномалии адресата» в поле диалогического взаимодействия</i>	217
<i>Будущее как факт и будущее как модальность в парадигме «реальность ↔ текст»</i>	227
<i>Переводимость как феномен межъязыкового взаимодействия</i>	235
<i>Метаязыковой комментарий как средство манипуляции адресатом</i>	245
<i>Человеческий фактор в естественной языковой концептуализации числа</i>	256
<i>Метаязыковые показатели со значением истинности в речевых стратегиях de re</i>	264
<i>«Тело» vs. «вещь» в конструкциях с предлогом ОТ (к проблеме концептуальных различий в естественном языке)</i>	274
 ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКОВОЙ АНОМАЛЬНОСТИ	283
<i>Норма и аномалия в художественном тексте</i>	286
I. Норма и аномальность в парадигме «реальность — текст»	286
II. Языковая аномалия как норма художественного дискурса	296
III. Норма как аномалия	306
<i>Художественное слово в рамках теории языковой аномальности</i>	314
<i>Вопрос о возможных классификациях языковых аномалий</i>	322
I. Языковая аномальность в русской речи: к проблеме типологии	322
II. Прагматические аномалии в среде языковых аномалий русской речи .	344
III. Аномалии в сфере языковой концептуализации мира	366

<i>Аномалии текста</i>	391
I. Аномалии текста vs. аномальный текст	391
II. Аномалии дискурса как проявление языковой девиантности	395
III. «Образ автора» и проблема нарративных аномалий.	404
IV. Модус и диктум в аномальной языковой концептуализации мира	410
<i>Вопросы освоения языковых аномалий в речевой практике</i> <i>современного общества</i>	416
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ЛИНГВОПОЭТИКА И НАРРАТОЛОГИЯ	423
<i>Теория нарратива и прагматика художественного текста</i>	426
I. Постулат о невозможности бессмысленного текста в свете лингвистики креатива	426
II. К вопросу о постулатах «правильного» текста	435
<i>Интертекст в художественном повествовании</i>	440
I. «Чевенгур» А. Платонова: идеологемы христианства и коммунизма в поле интертекстуального взаимодействия	440
II. Достоевский и Платонов (Идеологемы Старого и Нового времени)	449
<i>Проблемы языка и стиля Андрея Платонова</i>	458
I. Герой Андрея Платонова как языковая личность (образ Фомы Пухова в «Сокровенном человеке»)	458
II. «Семантика возможных миров» в языке Андрея Платонова	475
III. Мир природы в «мифологии языка» Андрея Платонова	488
IV. «Поэтика смерти» в художественной речи Андрея Платонова	492
V. «Парадоксы неконвенциональности» и язык Андрея Платонова	503
VI. «Квазиполифоническое повествование» Андрея Платонова как новая форма свободного косвенного дискурса	521
<i>Лингвистическая прагматика и проблема понимания текста</i> <i>(об одном рассказе Виктора Пелевина)</i>	527
<i>«Речь от второго лица»: образ адресата в лирике Иосифа Бродского</i>	537
<i>«Арзамасская галиматья» в свете теории языковой аномальности</i>	545
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	557
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	560
Источники	560
Научная, учебно-методическая и справочная литература	561
Словари	573
Электронные ресурсы	574

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	575
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.	000
<i>Summary</i>	000

ЯЗЫКОВОЙ МЕНТАЛИТЕТ И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

I О концепции изучения русского языкового менталитета*

Введение

Одна из известнейших и проницательнейших философских интуиций Вильгельма фон Гумбольдта — «*Язык народа есть его дух*» — со временем наполняется все большей и большей лингвистической определенностью. С одной стороны, успехи логического анализа естественного языка и когнитивного подхода в изучении концептуального содержания языковых знаков продемонстрировали саму возможность адекватного познания стоящих за фактами языка данных человеческого опыта взаимодействия со средой, результатов человеческой познавательной и ценностной активности в мире. С другой стороны, лингвокультурологические и этнолингвистические изыскания позволили увязать указанные выше возможности с обоснованием национального своеобразия взгляда на мир и системы ценностей на конкретном языковом материале. Можно добавить в этот список еще и новые акценты, проявившиеся в сопоставительном изучении языков и культур, согласно которым от простой констатации наличия сходств или различий в языках следует переходить к содержательной интерпретации их концептуальных и этнокультурных причин.

С самого появления на Земле человек был не только существом социальным, мыслящим и говорящим — он был существом *национальным*: человек всегда ощущал принадлежность к племени, к роду, к семье как нечто сущностно важное для человеческого типа бытия в мире. И именно эта принадлежность диктовала человеку особенности взгляда на мир, ценностной ориентации в мире и практического поведения. Эта принадлежность, творчески преобразованная сознанием и пропущенная через призму ценностной и эмоционально-чувственной сферы, воплощенная в знаковых формах родного языка — и есть *национальный*, в нашем случае — *русский, языковой менталитет*.

В предлагаемой нами концепции изучения русского языкового менталитета на первый план выходит синхроническое исследование его разнообразных

* Печатается по: *Радбиль Т. Б.* О концепции изучения русского языкового менталитета // Русский язык в школе. 2011. № 3. С. 54—60.

проявлений, унаследованных от самых далеких наших предков, в фактах *современного русского языка*. При этом, вслед за Анной А. Зализняк, И. Б. Левонтиной и А. Д. Шмелевым, авторами книги «Ключевые идеи русской языковой картины мира» (2005), мы считаем, что релевантными в плане изучения национально-обусловленных представлений о мире в языке будут только такие представления, которые входят в значения слов в неявном виде, так что человек принимает их на веру, не задумываясь:

Иначе говоря, пользуясь словами, содержащими неявные смыслы, человек, сам того не замечая, принимает и заключенный в них взгляд на мир. Напротив того, смысловые компоненты, которые входят в значение слов и выражений в форме непосредственных утверждений, могут быть предметом спора между разными носителями языка и тем самым не входят в общий фонд представлений, формирующий языковую картину мира [Зализняк и др. 2005: 9].

Поэтому важно не то, что утверждают носители языка, а то, что они считают само собою разумеющимся, не видя необходимости специально останавливать на этом внимание. Более того, важно, что они продолжают так считать и сегодня, как считали когда-то, быть может, еще в эпоху крещения Руси, что и отражает наш живой, повседневный язык.

Язык незаметно для нас пронизывает все области нашего опыта взаимодействия с внешним миром и все попытки заглянуть в себя, он незримо присутствует в нашей сфере ценностей и системе жизненных установок, определенным образом окрашивая и интонируя нашу познавательную и ориентационную деятельность по отношению к экстралингвистической реальности. Представляя собой один из основных каналов взаимодействия с миром, национальный язык выступает как своеобразная операционная система для нашей мысли (если уместно здесь воспользоваться модной для наших дней аналогией из мира компьютерных технологий). Иными словами, язык подсказывает (а порой — и тиранически навязывает) нам путь в интерпретации действительности, он — проводник в человеческом освоении (у-своении и даже при-своении) мира.

В этом плане в лексической и грамматической семантике языка нет ничего случайного, нет ничего алогичного и бессмысленного, какими бы порою странными и неожиданными ни казались те «решения», которые принимает национальный язык при квалификации или категоризации того или иного явления. Лучше всех об этом сказано у Э. Сепира: «Содержание всякой культуры может быть выражено с помощью ее языка, и не существует таких элементов языкового материала, ни содержательных, ни формальных, которые не символизировали бы никакого реального значения, каково бы ни было к этому отношение тех, кто принадлежит к другим культурам» [Сепир 1993: 226].

Таким образом, мы исходим из довольно тривиальной мысли — а именно из того, что в языке все имеет смысл (даже то, например, что *карандаш* мужского рода, а *ручка* почему-то женского). А смысл этот связан с той определяющей ролью, которую с момента своего возникновения играл и играет язык в национально-

специфических способах познания мира этносом, его ценностной ориентации и практической деятельности в мире.

Указанные соображения позволяют говорить о существовании некоего трудно определимого, но интуитивно ощущаемого каждым из нас феномена этноспецифичного способа отношения к миру, этноспецифичной реакции на мир, имеющих главным образом языковую природу. Именно этот феномен мы условно именуем «языковой менталитет», намечая в данной работе определенные пути его изучения.

В предлагаемой нами концепции *языковой менталитет* понимается как *национально-специфичный способ знакового представления знания о мире, системы ценностей и моделей поведения, воплощенный в семантической системе национального языка*. Впрочем, данный феномен можно определить, в духе А. Вежбицкой, совсем простыми словами: *Языковой менталитет — это наш способ жить, думать и разговаривать*.

В нашей концепции предполагается поуровневое изучение русского национального языкового менталитета. Мы выделяем четыре страты (слоя, пласта, уровня) его структуры.

I. Вербально-семантический уровень (системно-языковой)

Он отражается в неповторимых национально-специфичных «конфигурациях смысла», воплощенных в особенностях лексической, словообразовательной и грамматической семантики данного языка. Это выявляется как в установлении существенных семантических различий при сопоставлении примерно сходных фактов в разных языках, так и в установлении безэквивалентных лексических единиц, грамматических категорий и синтаксических моделей. Этот уровень примерно соотносится с тем, что в концепции В. фон Гумбольдта именуется «внутренняя форма языка» [Гумбольдт 1984: 70—74], а в работах Ю. Н. Караулова определяется как «общерусский языковой тип» [Караулов 1987: 157].

Так, на уровне лексической системы языка национальная специфичность русского языка проявляется в ориентации на преимущественно нерасчлененный, синтетический способ представления явления или события в языке, в сравнении, к примеру, с лексикой западных языков (таких, как английский или французский).

Интерпретация многочисленных фактов этого рода, приводимых в книге [Гак 1966], позволяет увидеть, что в русском языке есть тенденция в одном и том же слове — глаголе — передавать не только общую идею движения, но и способ ее осуществления. Скажем, идея 'двигаться' передается разными словами в зависимости от способа движения: *идти*, *ехать*, *лететь* (самолетом), тогда как во французском языке важна общая отвлеченная идея движения: *aller* (кстати, как и в английском — *go*). Одно и то же французское слово *partir* по-русски соответствует таким глаголам, как *ехать*, *скакать* и даже *ползти*.

Аналогичным образом в русском языке тщательно различаются разные оттенки действия ‘помещать что-л.’, избыточно передавая при этом семантический компонент, связанный с местом помещения или с формой помещаемого предмета: *класть*, *ставить*, *сажать*, *вешать*, тогда как во французском используется один глагол, выражающий абстрактную идею помещения — *mettre* (в итальянском тоже — только *mettere* ‘ставить, помещать’, в английском — *put* с тем же значением). Немецкий же язык в этом плане ближе к русскому — *legen* ‘класть’, *stellen* ‘ставить’, *setzen* ‘сажать’, *hängen* ‘вешать’. Точно так же по-разному в русском языке и западных языках передается идея нахождения на поверхности. В русском языке в семантику глагола включается указание на форму объекта: *стакан на столе — стоит*, *а книга на столе — лежит*. В английском языке в этих случаях будет выбрана бытийная конструкция *there is* — ‘есть, имеется, находится’.

Но не только лексика каждого языка по-своему «видит» событие. Немало в этом преуспела и грамматика. Воплощению национально-культурной специфики в грамматике русского языка уделено особое внимание в книге А. Вежбицкой «Русский язык» (рус. изд. 1987). А. Вежбицкая обратила внимание, что разные языки по-разному строят событие:

Данные синтаксической типологии языков говорят о том, что существуют два разных подхода к жизни, которые в разных языках играют разную роль: можно рассматривать человеческую жизнь с точки зрения того, ‘что делаю я’, т. е. придерживаться агентивной ориентации, а можно подходить к жизни с позиции того, ‘что случится со мной’, следуя пациентивной (пассивной, связанной с пациентом) ориентации. Агентивный подход является частным случаем каузативного и означает акцентированное внимание к действию и к акту воли (‘я делаю’, ‘я хочу’). При пациентивной ориентации, являющейся, в свою очередь, особым случаем феноменологической, акцент делается на ‘бессилии’ и пациентивности (‘я ничего не могу <с>делать’, ‘разные вещи случаются со мной’) [Вежбицкая 1996: 73].

Именно второй способ в русском языке имеет более широкую сферу применимости по сравнению с другими славянскими языками, еще более, нежели в немецком или французском, и значительно более широкую, чем в английском. Например, в русском языке вместо имеющейся в нем активной конструкции: *Я хочу* гораздо частотнее и вероятнее будет использоваться: *Мне хочется* — т. е. реальный субъект осмысляет себя как объект некоего независимого от него события, который вроде бы сам контролирует. Слово *хочется* «передает неопределенное желание чего-то, как бы управляемого извне некоей силой».

Говоря про особую «иррациональность» в отношении к жизни, выраженную русской грамматикой, А. Вежбицкая замечает, что при двух альтернативах между активной и пассивной конструкцией русский ориентирован на пассивную / безличную: «Безличная форма глаголов сквозной линией проходит через весь язык и составляет одну из наиболее характерных особенностей русского способа мышления». В русских безличных конструкциях предполагается, что мир в конечном счете являет собой сущность непознаваемую и полную загадок, а истинные причины

событий неясны и непостижимы, например: *Его переехало трамваем: Его убило молнией*. В этой конструкции непосредственная причина событий — трамвай или молния — изображена так, как если бы она была «инструментом» некоей неизвестной силы.

Все предложения такого типа также являются неагентивными. Таинственные и непонятные события происходят вне нас совсем не по той причине, что кто-то делает что-то, а события, происходящие внутри нас, наступают отнюдь не потому, что мы этого хотим. В агентивности нет ничего загадочного: если человек что-то делает, и из-за этого происходят какие-то события, то все представляется вполне ясным; загадочными и непостижимыми предстают те вещи вокруг и внутри нас, появление на свет которых вызвано действием таинственных сил природы [Вежбицкая 1996].

Богатство и разнообразие безличных конструкций в русском языке показывают, что язык отражает и всячески поощряет преобладающую в русской культурной традиции тенденцию рассматривать мир как совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому уразумению, причем эти события, которые человек не в состоянии до конца постичь и которыми он не в состоянии полностью управлять, чаще бывают для него плохими, чем хорошими.

II. Уровень знания о мире (лингвокогнитивный)

Он воплощается в так называемой «языковой картине мира» данного языка. Языковая картина мира, в свою очередь, есть результат специфической *языковой концептуализации мира* [Апресян 1986: 5—33]. Языковая концептуализация мира далеко не сводится к системно-языковым значениям единиц и выражений нашего языка. Она представляет собой особым образом организованный опыт нашего взаимодействия с окружающим миром, который откладывается в семантике языка также особым образом.

Так, например, факты русского языка демонстрируют нам восходящую к архетипическим мифологическим представлениям циклическую модель времени, а именно представление о прошлом как ‘то, что впереди’ (пространственный предлог *перед* (ср. *вперед*) во временном значении означает ‘до, раньше’, ср. также значение приставки в словах *пред-ыдущий*, *пред-шествующий*), представление о геоцентрической модели мира (*солнце заходит*, *солнце восходит*), о том, что земля плоская и имеет край (*на краю земли*).

Речь идет о собственно «содержательном» уровне языкового менталитета, воплощающем представления этноса о времени и пространстве, о человеке и природе, о мире производственной и социальной деятельности и пр. Эти представления выявляются в особом рода единицах «языка мысли» — ментальных репрезентациях: концептах, концептуальных схемах, концептуальных моделях ситуации — иными словами, *концептуальных структур*.

Важно, что у концептуальных структур, порождаемых в результате языковой концептуализации, есть «выделенная» (точнее — выделяемая в знаке) часть

(акцент, доминанта) и есть «теневая» часть («остаток»). При этом соотношение акцентуруемой и «теновой» части концептуальной структуры, или схемы, одной и той же ситуации имеет в разных языках национальную специфику. Так, в русских глаголах с семантикой поездки на транспорте акцентируется способ дальнейшего действия после проникновения в средство передвижения (посадка в автобус, даже если я там буду стоять): *сесть в метро*. В английском языке выделенной частью является зона каузатора, его активное действие («взять», хотя он ничего не берет): *take the metro*.

По-особому в языковой картине мира осуществляется и *языковая категоризация*, связанная с распределением концептуальных структур по классам, типам, таксонам и пр., т. е. с построением своего рода «языковой типологии» вещей и событий. Так, каждый школьник знает, что кит — это млекопитающее, но для носителей большинства индоевропейских языков, в их «языковой картине мира», кит, безусловно, рыба. И, конечно, *солнце* для них — не просто звезда класса С, как для всех астрономов, и даже вообще никакая не звезда, а оно и есть — *солнце*, единственное, вне таксономий и классификаций.

Иногда языковая интерпретация некоторых простых вещей просто-напросто расходится с привычным для нашего опыта и нашей логики знанием. Совершенно очевидно, что *лицо* — это часть *головы*. Однако в русском языке *лицо* — это как бы самостоятельная, «выделенная», целостная сущность, известным образом противопоставленная *голове*, которая мыслится как «часть головы без лица» — ср. *ударить по лицу* и *ударить по голове*. При этом в других употреблениях, так сказать, при съемке «общим планом», это различие нейтрализуется, когда, например, речь идет о форме головы. Получается, что, как во многих философских учениях древности и отчасти — в современной квантовой физике, часть приравнивается к целому, часть равна целому.

У языка вообще своя логика, покоящаяся на совокупном тысячелетнем опыте общения с внешним миром коллектива его носителей, который порою включает в сферу значимого, важного для себя некий фрагмент физической или психической действительности, совершенно не соотносясь с его «реальным местом» в иерархии вещей и предметов. Так, например, в системе родства *мать, отец, сын, дочь* — конечно же, *родственники*. Однако в узусе, в речевой практике носителей русского языка, слово *родственник* по умолчанию значит что-то вроде «дальний родственник», а *мать* или *отца* этим словом называть не принято. И язык по-своему прав, ведь он отражает тот важный для нашего бытия факт, что *мать* и *отец* — это что-то большее, чем просто «родственники».

Эти и многие другие примеры иллюстрируют простой факт: оказывается, за так называемыми «словарными», системными значениями слов и грамматической семантикой морфологических категорий и синтаксических моделей стоит некий глубинный слой неэксплицированной концептуальной информации, связанной с особенностями взаимодействия человека со средой, с его опытом и спецификой познавательной активности по освоению окружающего мира.

III. Уровень системы ценностей (аксиологический)

Он воплощается в иерархически организованной совокупности ключевых ценностно значимых концептов (культурных концептов, аксиологем, культурем, идеологем), у которых ценностно окрашенная семантика входит в номинативное содержание, а также в языковых и в экстралингвистических (культурных) коннотациях, закрепленных в узусе за определенными словами и выражениями, т. е. в системе языковой и экстралингвистической оценочности.

Здесь мы коснемся только одной, коннотативной сферы в аксиологическом уровне русского языкового менталитета. Почему такие английские выражения, как *sweet girl*, *sweet voice* и даже *sweet home* мы не можем перевести буквально — **сладкая девушка*, *сладкий голос* и *сладкий дом*, а переводим их, как *милая девушка*, *нежный голос* и *родной дом*? Очевидно, что буквальный перевод очень часто не дает точного понимания того, что сказано, потому что слова, помимо своего прямого значения, имеют то неуловимое содержание, связанное с выражением точки зрения, обычаев, традиций и культурой того или иного народа. Именно в области этого «неуловимого содержания» выясняется, что, при полном семантическом соответствии слов *sweet* и *сладкий* в сфере номинативных значений, за ними стоит совершенно разный и даже в чем-то противоположный национально-культурный коннотативный фон.

В русском языке слово *сладкий* часто имеет не ожидаемо положительную коннотацию (базирующуюся на «прототипическом свойстве» — сладкий → приятный вкус), а несколько сниженную коннотацию, связанную, во-первых, с неприемлемостью чисто «внешнего» свойства для полноценной положительной оценки явления или лица, присущего русской культуре, а во-вторых, с некоторой «чрезмерностью, избыточностью» этого признака, его оценкой как необязательного излишества (ср. поэтому — *слащавый*, *приторный*).

Поэтому *сладкая девушка* по-русски — это «аппетитная» девушка, привлекательная только своими внешними формами, но вовсе не обязательно безусловно положительно оцениваемая девушка. То же — и для *сладкого* голоса, который производит впечатление приятного для слуха, но и только. В нем не хватает теплоты и задушевности, как не хватает этой коннотации в прилагательном *сладкий*. А дом вообще *сладким* быть не может, поскольку это одна из самых значимых ценностей в русском языковом менталитете, и поэтому для его положительной характеристики обязательно требуется присутствие в оценке моральной или эмоциональной семы и недостаточно семы «внешней приятности». Поэтому в русском языке отсутствует «симметричность» между коннотативной семантикой слов *сладкий* и *горький*, которая присутствует в прямом значении слов. *Горькая участь*, *горькая печаль* — это всегда плохо, но невозможно на этом фоне **сладкая участь*, *сладкая печаль*, потому что *сладкий* — это не всегда хорошо: это только внешне приятно, что для русской системы ценностей мало, чтобы оцениваться как «вполне хорошее».

В английском же языке, напротив, быть внешне приятным (на базе синестетического метафорического переноса: ‘приятный для вкуса → для слуха → для глаз’) — вполне достаточно для общей положительной оценки явления или лица. Ср. в английском языке вполне нейтральное обращение к любимому человеку *Honey!* (букв. ‘мед, медовый’) в значении *Милый/милая*. Наш мед не содержит подобной коннотации, поэтому обращение к любимому человеку через обращение к гастрономический культурному коду в русской культуре не имеет потенциала положительной оценочности.

IV. Мотивационно-прагматический уровень (поведенческий)

Он отражается в совокупности так называемых «жизненных установок» (А. Д. Шмелев), норм поведения, а также в многообразной сфере типичных для данного этноса интенций, мотивов, целей, потребностей. Все это воплощается в разного рода этикетных формулах, принятых в данной культуре, в манере ведения коммуникативного акта, в разнообразных стереотипах и «культурных сценариях» (А. Вежибицкая). Непосредственно языковой репрезентацией системы жизненных установок и норм поведения являются особенности интонации и фразовой просодии, идиоматичные способы выражения разных иллокутивных сил (коммуникативных намерений) говорящего, а также разного рода «дискурсные слова» (вводные и модальные слова, частицы, междометия) и метатекстовые единицы.

Вот, например, самая простая русская фраза: *Я вроде пообедал*. Что она, собственно, означает? Попробуйте перевести ее, к примеру, на английский язык. Носитель английского языка сильно удивится тому, как можно не быть уверенным в осуществленности собственного действия, причем в перфектной, т. е. в результативной форме. Оказывается, невзрачная на вид частица *вроде* выражает очень многое в специфике мотивации русского человека. Во-первых, неуверенность в рациональном устройстве мира, где все зыбко и неопределенно, где даже действительные факты не имеют надежных познавательных ориентиров, и в них можно сомневаться. Во-вторых, указание на неконтролируемость действия, даже собственного, даже свершенного — в общем любого. Субъект, на всякий случай дезавуирующий свое собственное активное действие, — это очень по-русски. Это осколок древней магии слова, когда нечистую силу надо обмануть, ввести в заблуждение, навести на ложный след...

Любопытно также сопоставить некоторые идиоматичные формы выражения косвенного речевого акта как отражение норм «правильного» речевого поведения. Так, например, английская вежливая просьба, например, передать соль за обедом, идиоматично выраженная в форме вопроса, звучит как: *Would You pass me the salt?*, что буквально означает ‘Могли бы вы передать мне соль?’ или, точнее, ‘Передали бы вы мне соль?’. Удивительно, что подобное русское идиоматичное косвенное выражение вежливой просьбы через вопрос использует отрицательную

форму: *Не могли бы Вы передать мне соль?* На уровне имплицитных, пресуппозитивных смыслов в английском варианте можно видеть установку на возможный позитивный перлокутивный эффект (воздейственный эффект), а в русском — установку на возможную неудачу, может быть, сомнение и неуверенность говорящего в успешности его речевого акта.

Все многообразные формы семиотического поведения не обязательно имеют языковое выражение, как наши примеры, но они обязательно так или иначе связаны с языком, как и любая семиотическая система. А это, в свою очередь, означает и национально-культурную обусловленность норм и стереотипов поведения в русском языковом менталитете.

Заключение

Мы можем утверждать, что все условно выделенные нами четыре уровня языкового менталитета связаны между собой и присутствуют в языке синкретично и нерасчлененно, что можно видеть как в отдельных словах, выражениях, грамматических категориях и синтаксических моделях языка, так и в целых классах слов или автономных участках его системы, а также в языковой системе в целом.

Возьмем, к примеру, лингвоспецифичное русское слово *приволье*. Рассматривая его семантику с точки зрения *вербально-семантического уровня*, мы можем обнаружить в нем уникальную и непереводимую на другие языки конфигурацию смыслов: ‘широкое просторное место, открытое свободное пространство’ + ‘перен. свобода, отсутствие всякого стеснения, вольная жизнь’, — где сопрягается представление о природном, т. е. внешнем пространстве и психологическая идея внутренней свободы (поддерживаемая внутренней формой слова: *приволье* ← *воля*).

На *лингвокогнитивном, концептуальном уровне* можно отметить, что *приволье* входит в концептуальное поле русских национально-специфичных представлений о пространстве, а именно об особой значимости открытого пространства, наряду с *волей, простором, раздольем, размахом, удалью* и пр., выражая одну из ключевых идей русской языковой картины мира — «представление о том, что для того чтобы человеку было хорошо внутри, ему необходимо большое пространство снаружи» [Зализняк и др. 2005].

Анализ с точки зрения *аксиологического уровня*, уровня системы ценностей показывает безусловную положительную оценочность, закрепленную за данным словом в речевой практике русского этноса, что доказывается и многочисленными примерами из русской поэзии, и материалом пословиц, поговорок и фразеологизмов: *жить на приволье, привольная жизнь*, а также важное место этого понятия в системе ценностей русского человека: «Издавна русская культура считала волю и простор величайшим эстетическим и этическим благом для человека» [Лихачев 1987: 425].

На *мотивационно-прагматическом уровне* употребление данного слова связано с выражением специфичной жизненной установки русских людей, которую

Д. С. Лихачев, применительно к исходному для этого концептуального поля слову *воля*, описывает как «отсутствие забот о завтрашнем дне, это беспечность, блаженная погруженность в настоящее» [Лихачев 1987: 423].

В целом отметим, что именно язык дает нам самые объективные и надежные свидетельства об особенностях знания о мире, системы ценностей и норм поведения этноса, язык в его самых привычных для нас, самых знакомых словах и формах: «В языке закреплён опыт тысячелетий психологической и культурной интроспекции его носителей, данные которого по своей надёжности никак не уступают данным экспериментальной психологии» [Апресян В., Апресян Ю. 2003: 27]. Мы могли бы добавить — данные языка значительно превосходят данные экспериментальной психологии, которые уж слишком зависят от условий эксперимента и исходных установок экспериментатора. Необходимо только суметь увидеть за данными языка этот тысячелетний пласт народного опыта, народных знаний о мире, системы ценностей и норм поведения.

II

Имплицитная культурно-значимая информация в естественном языке*

Введение

Проблема выявления культурно-значимой информации слов и выражений естественного языка сегодня выступает в качестве центра притяжения самых разных школ и направлений лингвокультурологической ориентированности. В отечественной науке о языке огромный вклад в разработку указанной проблематики внесла В. Н. Телия. В частности, вполне в духе новейших лингвокультурологических стратегий научного поиска звучит идея В. Н. Телия о том, что большинство языковых значений так или иначе соотносены с тем или иным культурным кодом, который как-то «вычитывается» в словах и выражениях естественного языка в речевой практике этноса [Телия 1996: 219 и сл.]. В плане нашего исследования интересна мысль В. Н. Телия о возможных **способах** воплощения культурно-маркированной информации в языке: в одних единицах культурно-значимая информация репрезентируется на денотативном уровне семантики, а в других — на коннотативном уровне. В целях предпринятого нами исследования важно, что интерпретация последних происходит на основе рефлексивного — бессознательного или осознанного — соотношения их значения в конкретной речевой ситуации с известными говорящему культурными установками [Там же: 235].

Это указание позволяет значительно расширить сферу лингвокультурологического анализа, включив в него — помимо таких традиционных объектов, как лексемы и фразеологические единицы — и элементы, так сказать, «языковой облигаторности»: словообразовательные модели, морфологические категории, типовые синтаксические конструкции, а также разного рода неявные, скрытые, имплицитные смыслы, имеющие, предположительно, культурную значимость.

* Печатается по материалам одноименного доклада, прочитанного на Международной научной конференции «Язык лингвокультурологии: теория vs. эмпирия» (Проблемная группа «Лингвокультурологические исследования», Институт языкознания РАН, г. Москва, 19—21 ноября 2015 г.).

В настоящей работе на материале русского языка рассматриваются механизмы языкового выражения «скрытых» смыслов, которые обусловлены национально-культурной спецификой определенных способов языковой концептуализации того или иного фрагмента реальности в содержании совокупного опыта носителей языка.

Мы постулируем наличие в семантике слов, словообразовательных моделей, грамматических категорий и синтаксических конструкций особого имплицитного компонента, отражающего национально-специфичные нормы, идеалы и ценности, установки и стереотипы носителей русского языка. К таковым можно условно отнести культурные пресуппозиции [Волобуева 2007; Шеина 2009 и др.], культурные инференции, культурные коннотации [Телия 1996], а также, возможно, и некоторые другие виды имплицитной информации — культурные ассоциации, культурные установки [Там же], культурные скрипты [Вежбицкая 1996], культурный фон [Телия 1996; Маслова 1997] и пр.

Теоретическим основанием для подобного подхода, устанавливающего важность выявления именно имплицитной культурно-значимой информации, являются некоторые идеи, изложенные в монографии «Ключевые идеи русской языковой картины мира» (2005): в частности, это положение о том, что культурно-обусловленные смыслы, ключевые идеи и представления языковой картины мира этноса должны входить в значения слов и выражений в неявном виде, в их пресуппозитивную, коннотативную или импликационную часть, потому что только так носитель языка может оперировать ими, принимая их на веру, не рефлектируя и не задумываясь [Зализняк и др. 2005: 9]. Поэтому важно не то, что утверждают носители языка, а то, что они считают само собою разумеющимся, не видя необходимости специально останавливать на этом внимание. Здесь уместно привести и примечательную реплику Н. Д. Арутюновой о рекомендации аналитической философии искать истины в пресуппозициях языка, а не в эксплицитных утверждениях [Арутюнова 1976: 307].

Далее мы рассмотрим некоторые из заявленных выше типов имплицитной культурно-значимой информации в плане постановки данной проблемы, требующей, конечно, более подробного изучения. Мы условно выделяем **три класса** таких единиц, в зависимости от характера имплицуруемой культурно-значимой информации:

- (1) типы культурно-значимой информации, имплицурующей область знания о мире и системы ценностей, того, что обычно именуется концептуальной системой, концептосферой, ментальностью этноса — это **культурные пресуппозиции** и **культурные инференции**;
- (2) типы культурно-значимой информации, имплицурующей область речевого взаимодействия, модели коммуникации, мотивационно-прагматическую сферу этноса, того, что обычно именуется этнической психологией, национальным характером и под. — это **культурные импликатуры дискурса** и **культурные установки**;

- (3) типы имплицитной культурно-значимой информации недифференцированного, комплексного и синкретичного характера, ассоциативной, «фоновой» области «языкового существования» (Б. М. Гаспаров) — это «**культурный фон**».

Выявление указанной имплицитной культурно-значимой информации предполагается осуществлять посредством инструментария логического анализа естественного языка.

I. Имплицитная культурно-значимая информация в области знания о мире и системы ценностей этноса

1.1. Культурные пресуппозиции. Пресуппозиция представляет собой невербализованное, т. е. не высказанное прямо суждение, которое полагается «по умолчанию» как общеизвестное или безусловно истинное, выступая основным условием осмысленности всего высказывания, т. е. своего рода «базой» для его понимания [Падучева 1996]. Особенность пресуппозиции заключается в том, что она должна быть обязательно истинной, чтобы все высказывание имело смысл. То, что содержится в эксплицитной, т. е. в непосредственно выраженной словами части суждения, может быть оспорено, опровергнуто, может быть истинным и ложным, т. е. нуждается в верификации, в доказательстве. То, что содержится в пресуппозиции есть истина, так сказать, «по умолчанию».

Пресуппозиции как базовые имплицитные и конвенциональные логико-семантические компоненты слова или выражения выступают в качестве **культурных пресуппозиций**, если имплицитно культурно-значимую информацию: это «совокупность знаний и представлений (выраженных языковыми средствами), которые коммуникант приобрел как носитель своей культуры в процессе инкультурации» [Шейна 2009: 17]; «конвенциональная имплицитная информация, функционирующая на подсознательном уровне коммуникантов, обеспечивающая условия для успешного речевого акта, ее отрицание приводит к коммуникативным срывам» [Волобуева 2007: 147].

В этом смысле интересно посмотреть на такой традиционный объект для лингвокультурологических изысканий, как паремиологический фонд русского языка. Согласно принятой нами, вслед за авторами монографии «Ключевые идеи русской языковой картины мира» (2005), концепции анализа, у пословиц следует анализировать не ту информацию, которая входит в ассертивную зону, т. е. высказана прямо, а ту информацию, которая входит как раз в пресуппозиционный компонент.

См. образец подобного подхода, предложенный А. Д. Шмелевым:

...мы не можем делать вывод, что для русской языковой картины мира характерно представление, согласно которому чувство любви неподвластно воле человека и рациональным соображениям, на основании таких пословиц, как *Любовь зла, полюбишь и козла*, или ходячего изречения *Сердцу не прикажешь*, — то, что прямо утверждается, всегда может быть оспорено (правда, эти высказывания дают основание для определенных выводов относительно некоторых других представлений, принимаемых

в русской языковой картине мира как данность, например, ‘козел менее всего достоин любви’ или ‘орган любви — сердце’) [Зализняк и др. 2005: 23—24].

Рассуждая аналогичным образом, мы можем предположить, что известная поговорка *Баба с возу — кобыле легче*, вопреки очевидности, реализует не андроцентрическую точку зрения на «второстепенность» женщины в русской картине мира (это дается в ассертивном компоненте и легко оспаривается целым кластером других русских пословиц), а представление о значимости кобылы, имплицитное в зоне пресуппозиции.

Видимо, говоря о культурных пресуппозициях, так же можно различать пресуппозиции семантические и прагматические в духе работы [Падучева 1996].

Семантическая пресуппозиция — компонент смысла, непосредственно выводимый из значения входящих в выражение слов. Примером такой пресуппозиции в поговорке *Глаза бояться — руки делают* может быть представление о том, что именно зрение является основным способом осмысления поступающей в опыте информации и даже средством понимания и других ментальных и эмоциональных реакций в русской картине мира (в отличие от ряда других картин мира, где таковым может выступать, например, слух).

Прагматическая пресуппозиция — компонент смысла, который говорящий считает общеизвестным, логически приемлемым, само собой разумеющимся, известным адресату или неважным (эта пресуппозиция присутствует в выражении неизменно в качестве его части). Для понимания имплицитного смысла прагматических пресуппозиций требуются экстралингвистические знания о персоналиях, реалиях, культурных артефактах и пр. Прагматическая пресуппозиция, в отличие от семантической пресуппозиции, оказывается несостоятельной, если адресат ничего не знает о спецификации термов или референтов пропозиции. Такую пресуппозицию можно усмотреть, например, в поговорке *Язык до Киева доведет*, где имплицитно представлено о том, что Киев является средоточием устремлений, значимым центром тяготения в духе «Киев — мать городов русских» из «Повести временных лет», а также о том, что до Киева в норме трудно добираться.

Интересны случаи, где интерпретация культурных пресуппозиций может осуществляться в определенном несоответствии с системно-языковой, «словарной» семантикой слов и выражений. Так, в поговорке *Не умер Данила — болячка задавила* за специфическим употреблением слова *умереть* стоит значимое для русского «прототипического мира» представление о том, что люди должны умирать естественным путем, от старости, в отпущенный им срок: иные же виды смерти, в том числе от болезни, мифологически воспринимаются как «неправильные» и, следовательно, не входят в семантическое пространство, конвенционально «покрываемое» глаголом *умереть* в совокупном мире дискурса русского народа. В то же время отметим, что в системе современного русского языка данное слово имеет более широкое значение ‘перестать жить’, и его семантика, разумеется, включает в себя возможность употребления данного слова в контексте *умереть от болезни, от раны* и пр.